

ТВОРЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ А. РЕМИЗОВА
К КНИГЕ Н. КОДРЯНСКОЙ “АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ”

Предисловие, публикация и примечания Аллы Грачевой

Книга Н. Кодрянской “Алексей Ремизов” была опубликована в Париже в 1959 г. и долгие годы являлась одним из основных биографических и архивных источников сведений о жизни и литературных трудах писателя; ценилась как уникальный компендиум его высказываний по эстетике и психологии творчества. Хотя с 1970-х гг. началась интенсивная публикация архивных, и прежде всего эпистолярных материалов Ремизова, были изданы значительные мемуарные свидетельства (на первом месте здесь надо поставить книгу Н. В. Резниковой “Огненная память” (Berkeley, 1980), монография Кодрянской продолжала держать первенство как книга, раскрывающая тайну личности и творческой индивидуальности писателя, вызывающая сочувствие к его необычной и нелегкой судьбе, восхищение и желание заниматься в дальнейшем его художественным наследием. С ее страниц как бы звучал голос самого Ремизова, доверительно говорившего с читателем при помощи скромного посредника – Н. Кодрянской.

По содержанию книга “Алексей Ремизов” имеет следующий состав: глава 1 – очерки-воспоминания о встречах Кодрянской с Ремизовым, содержащие описание его внешности, квартиры, библиотеки, привычек и круга знакомств; глава 2 – биография писателя; глава 3 – воспроизведение рукописных и магнитофонных записей бесед Кодрянской с Ремизовым; глава 4 – воспроизведение его заметок, посвященных теме писательского мастерства; глава 5 – его надписи на книгах, подаренных жене, а после ее смерти переданных Кодрянской; глава 6 – отрывки из писем Ремизова к автору книги за период 1945-1957 гг.; глава 7 – отрывки из дневников писателя. С первого взгляда на оглавление читающему становилось очевидно, что эта книга представляет собой цен-

ное собрание всесторонних объективных сведений о Ремизове, и является редкостным подарком для специалистов, а также для всех, кто желал бы понять одного из наиболее оригинальных русских писателей XX века.

За последние годы в научный оборот введен значительный объем ранее недоступных исследователям материалов рассредоточенного по разным странам личного архива Ремизова, а также материалов его друзей и помощников, и в том числе Н. Кодрянской. Эти новые архивные источники позволяют не только углубленно исследовать ремизовские биографию и творчество, но также провести критику значительного количества текстов, содержащих мифологические сведения о писателе. Среди последних одно из лидирующих мест занимает книга Н. Кодрянской «Алексей Ремизов».

Наталья Владимировна Кодрянская, урожденная Гернгросс (1901-1983) до начала 1920-х гг. жила в Советской России, где снималась в кино. Затем она эмигрировала в Швейцарию, а до Второй мировой войны жила в Париже. В 1927 г. она вышла замуж за доктора Исаака Вениаминовича Кодрянского. После немецкой оккупации Франции они уехали в США, сначала жили в Нью-Йорке, затем в Беверли-Хиллс (Калифорния). Вскоре после окончания войны супруги вернулись во Францию и жили то там, в собственной усадьбе под Версалем, то в США. Кодрянская была богата, однако не довольствовалась ролью светской дамы, а желала признания своего литературного таланта. Ее знакомство с Ремизовым состоялось в 1940 г., было прервано войной, возобновлено в 1945 г. и далее не прекращалось до смерти писателя. При этом, поскольку Кодрянская бывала в Париже только наездами, основное общение шло при помощи переписки. Ныне опубликована только часть писем Ремизова и при том в отрывках, но и это составило объемистую книгу – Н. Кодрянская. Ремизов в своих письмах. Париж 1977. 416 с.

Чтобы понять истоки замысла книги «Алексей Ремизов», надо вспомнить о существенных параметрах творческой личности ее героя, а также восстановить атмосферу, окружавшую пожилого писателя в послевоенном Париже.

Начиная с юношеских лет, с давнего периода увлечения марксизмом, Ремизову была присуща тяга к учительству, к обращению преданных учеников в свою «веру». Вспомним его пропагандистские занятия: по политэкономии – с рабочими; по эстетике «нового искусства» – с актерами «Товарищества Новой Драмы» Вс. Мейерхольда; его труды по «натаскиванию» – обучению литературному мастерству начинающих писателей – М. Пришвина, А. Толстого, «серапионовых братьев» и др. Сохранившееся эпистолярное наследие Ремизова, в значительной степени, посвя-

щено двум темам: изданию его произведений и контактам с молодыми писателями. Исторические катаклизмы XX в. несколько раз прерывали традиции складывавшейся “школы” Ремизова. Вторая мировая война также внесла насильственные коррективы в сформировавшийся в 30-е гг. круг его “учеников”. После нее “ближнее пространство” Ремизова-писателя некоторое время осталось разреженным. В этот момент в его окружении и появилась Наталья Кодрянская. Для человеческого и творческого сближения с Ремизовым у нее было несколько важных свойств. Она была ровесницей его дочери (старше ее всего на три года) и носила то же имя. Она писала сказки и, на первый взгляд, всецело подчинилась воле Ремизова как литературного учителя. Она жила в США и взяла на себя роль посредника в процессе продвижения ремизовских произведений на страницы американской эмигрантской периодики и в редакционные планы издательств – т. е. стала как бы его литературным агентом. Наконец, она долгие годы регулярно помогала писателю материально.

В отношении Ремизова к Кодрянской, которую он называл своей “литературной внучкой”, сплелись воедино и нереализованная привязанность к утраченной дочери; и неутолимая жажда иметь литературных учеников; и наслаждение тонкой игрой – смесью насмешки и лести с богатой дамочкой-меценаткой; и чувство признательности за помощь.

При жизни писателя были изданы две книги Кодрянской “Сказки” (Париж 1950) и “Глобусный человечек” (Париж 1954). Как свидетельствуют письма Ремизова и подтверждают материалы, переданные Кодрянской в РГАЛИ, он принимал значительное участие в литературном редактировании, переписывании и иллюстрировании текстов обеих книг. Этот вопрос заслуживает специального изучения, но уже сейчас можно сказать, что ряд сказок Кодрянской – на самом деле плоды творчества Ремизова, как он обычно говорил, творчества “по материалу” – т. е. на основе чужого текста-источника. Как известно, в последней из двух книг образ сказочника-“глобусного человечка” был напрямую спроецирован на образ и даже на сам облик Ремизова, что было “закреплено” иллюстрациями привлеченного по его же совету художника Ф. Рожанковского. А сюжет этой книги – история фантастических странствий сказочника и девочки Дикси, чьим прототипом была сама Кодрянская, возник в результате постоянных контактов ученицы и учителя, воспринимавшего эту сказку как символическое изображение своего жизненного пути, на определенном этапе мистически соединившегося с жизненной дорогой Кодрянской.

Возникновение замысла книги “Алексей Ремизов” можно отнести к 1955 г. Этому предшествовали и способствовали несколько обстоя-

тельств. С начала 50-х гг. ремизовская слепота стала усиливаться. Писатель все острее чувствовал сужение физических возможностей заниматься литературным трудом, приближение финала творческого пути и необходимости подведения его итогов. Надо помнить, что Ремизову как творческой натуре была присуща обостренная рефлексия, сочетающаяся с четким, лишенным как приниженности, так и преувеличения осознанием значимости своего места на литературном Олимпе. Однако на протяжении всего писательского пути он отчасти объективно, а в значительной степени в результате самовнушения расценивал восприятие своих произведений читателями и критиками как постоянные недооценку и непонимание. Со временем в ремизовской мифологии образ отверженного стал одной из констант облика авторского “я”. Болезненное отношение писателя к чуждому мнению еще более усилилось, когда к прежним психологическим комплексам добавились тревожные размышления о возможности закрепления заниженной оценки своего творчества в восприятии не только современников, но и потомков. В этом плане характерно его письмо Кодрянской от 17 мая 1952 г.: “Последнее время меня обличают: литературно, что пишу не так, как нужно и по-человечески, судя мою душу. Если кто вздумает написать обо мне рассказы-воспоминания, сколько там будет не моего, не с меня, снижающего меня по мерке автора-обличителя”.¹

В 1953 г. Ремизову для сохранения остатков зрения стало необходимо сделать хирургическую операцию, однако его лечащий врач доктор Зернов доказал пациенту невозможность ее проведения по медицинским противопоказаниям. Этот биографический факт был воспринят писателем как очередной знак судьбы, знаменующий время подведения итогов. А в 1955 г. произошло событие, которое, как можно предположить, сыграло решающую роль в деле возникновения книги “Алексей Ремизов”. Ее герой ознакомился с дошедшим до Парижа 10-м томом академической “Истории русской литературы” (Л.-М. 1954), в котором была дана развернутая характеристика литературного процесса начала XX в. – времени расцвета ремизовского творчества. Помимо канонизированных в СССР фигур, подобных М. Горькому, В. Брюсову, А. Блоку и т. п., в книге был дан, к примеру, довольно подробный очерк творчества А. Вербицкой. Ремизов же был походя упомянут в написанном В. Н. Орловым 1-м разделе главы “Поэзия буржуазного упадка”. Эти “упоминания” следует напомнить, чтобы понять реакцию писателя:

¹ Кодрянская Н. Ремизов в своих письмах. Париж 1977, с. 266. Далее в тексте: *Кодрянская* с указанием страницы.

Не добившись успеха на основных путях театрального искусства, символисты пытались насаждать на русской сцене эстетское стилизаторство, голое формалистическое “новаторство” [...] (“действия” А. Ремизова [...] и др.). [...] В годы первой мировой войны [...] в числе “бардов” военного времени, охваченных казенно-шовинистическими настроениями, оказались К. Бальмонт, Ф. Сологуб [...] А. Ремизов [...] Если буржуазно-демократическую революцию в феврале 1917 года символисты еще и “приняли” [...], то дальнейшее развитие событий они встретили [...] как враги народа. [...] А Ремизов оплакивал старую Россию (“Плач о гибели русской земли”) [...] Дальнейшие судьбы символистов [...] сложились по-разному. [...] А. Ремизов и Вяч. Иванов бежали за границу, где примкнули к злейшим врагам Советской России.²

Письма Ремизова и его дневниковые записи свидетельствуют, что негативное, краткое и жестко идеологически маркированное упоминание его имени в труде, созданном в стенах уважаемой им Академии Наук, произвело на него сильное и тяжелое впечатление. Так в письме Кодрянской от 14 февраля 1955 г. он констатировал: “Вышла История русской литературы: Горький, Куприн, Бунин, Брюсов, Блок, Зайцев, Вербицкая и другие – в издании Академии Наук. Меня нет. Так я и не попал в историю. Жалеть? Нет, к умолчанию я нечувствителен. И что странно: эмигрантское отношение к моему, или советское – одинаково” (Кодрянская, с. 388). О том, что факт “умолчания” его творчества на самом деле глубоко задел Ремизова свидетельствует то, что он неоднократно возвращался к этой теме в письмах. Так 15 сентября того же года он отмечал: “Терпеливо слушаю вечером о своих современниках. Я понимаю, почему я не попал в историю русской литературы. Моя тема: слово и человек. А мои современники ‘обличали’. Утилитарной критике со мной делать нечего. Я не существую. Моя ‘беда’ не зависит от ‘обстановки’” (Кодрянская, с. 392). Несмотря на десятилетия лелеемый в авторской мифологии образ самого себя как тихого всеми обижаемого чудака, на деле Ремизов был человеком с сильным энергичным характером, чьим жизненным девизом было слово “наперекор” и чьим методом действий был немедленная ответная реакция. Непосредственным откликом – напоминанием о “несуществующем”, “забытом” писателя стал очерк Н. Кодрянской “Лето с Ремизовым, 1955 год”.

Как показывают публикуемые далее материалы – см. “А. Р. (Дом, помеченный войной)” – этот текст был написан самим Ремизовым, причем создавался специально для публикации от имени третьего лица – кон-

² Орлов В. Н. Поэзия буржуазного упадка. Раздел 1. История русской литературы. Т. X. Литература 1890-1917 годов. М.-Л. 1954, с. 772-774.

кретно, Н. Кодрянской, хотя в пылу работы автор иногда сбивался на прямую речь. По жанру очерк представляет собой развернутый литературный портрет Ремизова. В нем даны яркие описания внешнего облика и житейской обстановки героя. Но основным в нем является определение места, занимаемого Ремизовым-писателем в истории русской литературы. При этом после рассмотрения развития литературного процесса со времен “Слова о полку Игореве” подлинный автор очерка переходил к прямой полемике с так задевшей его академической “Историей русской литературы”, в которой он был упомянут как “враг народа”, как автор антибольшевистского ‘памфлета’ “Слово о гибели Русской земли”. В очерке Ремизов писал:

“История” русской литературы девятнадцатого века и начало двадцатого, кончая 1917-м годом – какое кипение темных сил: в революцию – в 1917 году – я начал о “гибели русской земли” (“Взвихренную Русь”) да что же было мне с моим “наперекор”, неужели-то по-клюевски возгласить, спрятав под фуфайку крестильный крест: “Революцию и Матерь Света в песнях возвеличим!” И это также, как когда-то в Петербурге “Аполлоном” литература была провозглашена “прекрасной ясностью”, об этом в моем “Пляшущем демоне”. Я ответил моей прозой природной русской речи, в которой выхощенной ясности не ночевало. Говорю это о себе, несколько не задирая нос и без всякой заносчивой мысли сравняться с моими недюжинными современниками, как Горький, Блок, Андрей Белый, Мейерхольд. Или старейшими, как Розанов. Я-то свое место определяю лучше всякого историка.

Именно в 1955 г. писатель и задумал создать книгу, которая бы запечатлела для потомков такой образ Ремизова, человека и писателя, каким он сам хотел быть сохраненным в памяти потомков. В этом плане Н. Кодрянская представлялась ему наиболее удобной фигурой – своеобразным вариантом Винкельмана, преданного конфидента выдающегося современника.

В последующие годы идея создания книги о Ремизове конкретизировалась и видоизменялась. Так одним из ранних вариантов была ее материализация в виде коллективного сборника воспоминаний, предваренных написанной Кодрянской развернутой биографией писателя. О том, что подобный вариант книги не только обсуждался, но и частично начал обретать плоть и кровь свидетельствуют письма одного из старейших преданных друзей Ремизова О. Е. Колбасиной-Черновой к своей дочери, также близкому другу и помощнице писателя Н. В. Резниковой. В это время О. Е. Колбасина-Чернова жила в Нью-Йорке и сообщала дочери о своих разговорах с Кодрянской после ее поездок в Париж и общения с

Ремизовым. Надо отметить, что друзья Ремизова, принадлежавшие в основном к кругам старой российской интеллигенции, люди, как правило, скромного достатка, крайне сдержанно относились к претензиям светской американской дамы на звание ближайшего друга и последней литературной “ученицы” писателя. Не представляло в этом плане исключения и отношение к Кодрянской семьи Колбасиной-Андреевых-Резниковых-Сосинских. Однако, несмотря на эмоциональную страстность, письма О. Е. Колбасиной-Черновой представляют собой ценные свидетельства, фиксирующие движение работы над книгой “Алексей Ремизов”. Так она сообщала дочери 6 мая 1957 г.:

Дорогая Наташа, посылаю тебе “Часы”,³ т. е. начало, переписанные 8 страниц и кусочек 9-й. Через 2 дня – пошлю еще 2-3 стр[аницы] (м[ожет] б[ыть] 4), еще не знаю. И тогда конец первой встречи с рукописью и с Алекс[еем] Мих[айлови]чем в Париже. 2-я глава – встреча в Петербурге, когда поехала из Alaszio – , Алекс[ей] Мих[айлович] в славе – видела его мельком, но не рискнула подойти в Философском Обществе (спроси точное название), там были корифеи: Карташев, Мережковский, Гиппиус, Андрей Белый, Алекс[андр] Блок (он был, но я его не видела) и его жена. Она стояла близко, показал Иванов-Разумник – и я ее рассмотрела. Тогда еще Разумник сказал: вот жена Блока, они сейчас разошлись – поэтому я не хочу вас знакомить с ним – он в таком периоде – что сразу же влюбится в вас) – но это к Алекс[ею] Мих[айлови]чу не относится – так диверсия – для тебя. Итак, заметила его среди корифеев – нос и волосы торчком – вроде ежика, – ни глаз ни улыбки – издали. Через день - два после этого собрания я поехала к нему – на Васильевский – его квартира, Серафима Павл[овна] –. У него началась игра – (для меня еще незнакомая) – говорит мне, что Ив[анов]-Разумник влюблен и Пришвин и выдумывает несуществующие их записочки и слова – а Серафима Павловна смеялась как ребенок – я была поражена этими выдумками – еще его не знала, – было бы забавно описать, но как будто не обо мне – а перенести на кого-то другого, – он тогда такое закручивал! Недоразумение с приглашением – они ждали и думали вот богатая из Италии, своя вилла – на берегу моря – что ей стоит пригласить! А я не решилась – такой известный – и Белый и Мережковский – и все, куда же мне звать в нашу провинцию!

3-я серия встреч: в революцию – снегом засыпанный Петербург и улицы темные по вечерам – с криками – кого-то грабят, снимают шубы – грузовики – оцетинились штывками – красноармейцы – хмурые и подозрительные – и страшно идти в шубе пешком. Мы с Адей в серой шубке – помнишь, потом украли в Саратове, мы на извозчике – далеко не сытые – и Серафима Павловна – думавшая – вот, жена министра и дочь министра – извозчик и

³ Речь идет о воспоминаниях, написанных для предполагаемой книги и посвященных истории романа Ремизова “Часы”; см. Приложение к данной публикации.

все есть и шуба – и верно очень-очень сытые и накормленные...

4-я серия – 5-я – 6-я – Ревель, Берлин – Париж – тут надо выбрать несколько типичных вечеров у них – в Берлине м[ожет] б[ыть] отъезд и 13-й номер вагона!

Теперь самое важное: прочти и сразу же свое мнение беспристрастное – все что думаешь – как тон и фразы – и мысли.

Конечно – потом можно сократить, – содержание “Часов” – по указанию Алекс[ея] Мих[айловича] что оставить и что убрать – пусть скажет, – его мнение и все замечания – сначала общее – и потом придиричиво – по-фразно – отдельные слова и проч[ее].

Сдала эти 8 стр[аниц] – К[одрянск]ой – вчера. Она выезжала 10-го мая. Читала она мне начало своей книги: его рождение, происхождение Ремизовых при Петре Великом и т. д. – указание на летопись, где встречается имя Ремизова, – все т о ч н о со слов – записей Алекс[ея] Мих[айловича], как-будто под его диктовку –

В плане – во всем – его твердая рука – очень толково и организовано, он ориентируется (по секрету от нее) на родину – чтобы там потом пользовались, –

Я увлеклась этой работой (спасибо ей большое за это), просто воскресла – пишется легко – и с подъемом работаю. Долго не могла найти нужного тона – теперь кажется нашла. В связи с этим “расписалась” – и сразу же закончив это за свое другое. Но она женщина лукавая (со мной мед и райское славословие!!) и фальшивая – и я ей не очень верю – поэтому б д и – во все глаза, чтобы под сурдинку – (по секрету от Ал[ексея] Мих[айловича]) не отставила – так она хочет сделать со Степуном (не говорит Ал[ексею] Мих[айловичу!]), его не возьмет – а в наборе пропало. Как бы того не вышло со мной. Уверяет, что с Ал[ексеем] Мих[айловичем] работать не будет, просто прочтет, выслушает его ремарки и без него, по своему исправит, если с ним согласится! Якобы – поживем – увидим –

Сейчас иду на почту. Она приедет 15-16 или 17-го. Надо до ее приезда прочесть мое Алекс[ею] Мих[айловичу] – и заручиться до нее его мнением и выслушать поправки – м[ожет] б[ыть] есть неточности в описании рукописи и почерка – пусть поправит (Париж. Собрание Резниковых).

Однако “ученица” не стала послушным исполнителем замыслов ослепшего и потому беспомощного “учителя”. Постепенно Кодрянская начала более вольно истолковывать значимость своей роли в создании книги и активно вмешиваться в трансформацию ее первоначального плана. Так на следующем этапе сложения книги воспоминания друзей Ремизова были заменены записями ее бесед с ним, типологически ориентированных на “разговоры” Винкельмана с Гете. Сейчас невозможно точно установить, насколько подобные изменения были результатом волеизъявления самого писателя и насколько они зависели от амбиций его “ученицы”. Однако по

мере движения книги от замысла к завершению роль Кодрянской все более возрастала. Характер произошедших нововведений был также зафиксирован в семейной переписке Колбасиной-Черновой и Резниковой. В этом плане особенно значимо, в частности, письмо О. Е. Колбасиной-Черновой от 29 сентября 1957 г., в котором дано подробное изложение версии Кодрянской о результатах своей летней поездки к Ремизову:

Нат[алья] Влад[имировна] начала с того, что ее книга будет такой как она задумала и ничего не изменилось и Алекс[ей] Мих[айлович] не может повлиять на ее волю. А потом начала рассказывать и выяснилось как раз обратное, а именно: начало, т[о] е[сть] его биография очень подробная – и библиография – история написания и печатания его книг – осталось, – а потом книга переходит в беседы, чего раньше не было. Беседы с ним, ее вопросы и его ответы на различные темы. Очевидно это он внушил ей такую форму, т[ак] к[ак] раньше и помину не было о беседах – и это, конечно, самое легкое для нее – не меняющее ее первоначальный план. В такой постройке книги нет места – высказываниям других людей. Она сначала думала привлечь Маковского, Добужинского, Степуна. Два первых наотрез отказались – у них свои книги и о Ремизове тоже будет. Степун наоборот ухватился, но это перешло бы в политику и полемику и она отказалась – вернее по ее лукавству сказала, что примет, но мне по секрету: “ни в коем случае, – скажу в последнюю минуту – места не хватило!” Оставалась я, которой она якобы дорожила и будет Ваше “непреренно – слово мое крепкое, вы другое дело, вы понимаете и Алекс[ей] Мих[айлович] хочет” и т. д. и т. д. – язычок медовый, “на языке мед – под языком лед”, как говорила наша няня. Но сейчас она права – в новой конструкции не всунуть мои главы, – ни к чему, пятое колесо –, в разрез со всем планом. Она не может взять мое писание – куда его деть среди ее бесед – Дменя только смущает, сказала она, что Алекс[ею] Мих[айловичу] очень нравится то, что вы говорите об атмосфере того времени, о том, как приняты и поняты были “Часы”, но как это поместить, в какой форме? И еще я бы хотела о Сераф[име] Павл[овне] – о ней ничего кроме ее любви к сливкам и толщины ничего не знаю. И вот я думаю: м[ожет] б[ыть] я бы могла поместить кое-что из вами написанного, таким образом: Ольга Елисеевна Чернова рассказала мне, что к ней попала рукопись – *Часы* – и что ее так и так встретили – и тут несколько фраз из вашей главы. А в другом месте: Ол[ьга] Елис[еевна] Чернова рассказала мне о Серафиме Павл[овне] то и то”.

На это я к а т е г о р и ч е с к и не согласна. Подумай, – воспользоваться походя, en passant некоторыми моими мыслями – хотя бы и с моим именем, мои слова в ее пересказе – неужели она думала, что я могу согласиться? О Сераф[име] Павл[овне] я ей не показала и не покажу. “Не скажу и не покажу” – помнишь маленькую Ади и Бориса Давыд[ыча]? Но я на нее не сержусь, нисколько, напротив, я ей благодарна за стимул, благодаря ей я написала и буду продолжать, но об этом я напишу тебе много, а сейчас о

ней кончу. Она полна горечи и *déception* – рассказала, что благодаря Утенку, Утище, по-моему, ни минуты не была наедине, Утенок врывалась, мешала и что она не сделала того, что хотела, теряла вопросы, Алекс[ей] Мих[айлович] нервничал, волновался, часто кричал. Часто она с ним не соглашалась. Вот пример: она уверена, что Монашек, Бедный Йорик, учитель рисования – не существовали вовсе. – Это его мечта, творчество и в жизни их не было! Алекс[ей] Мих[айлович] возмутился: “как не было? Монашка не было? Йорика не было?” – “Да, не было, разве мог Монашек проникнуть к вам на чердак, в дом, где все было на запоре?” – сразила она Алекс[ей] Мих[айловича] этим аргументом. “Ведь это же абсурд, против очевидности”. И она написала – “Эти люди выявляют его внутренний мир, его мечту, воплощенную в людей выдуманных – плод его воображения и фантазии” – что-то в этом роде. Алекс[ей] Мих[айлович] раскричался и даже кулаком стукнул. Тогда она написала – “у Алекс[ей] Мих[айловича] своя правда, у меня своя” – и в книге я так и пишу – по правде Алекс[ей] Мих[айловича] – эти люди живые, взятые из жизни, но по моей правде (от которой никто не заставит меня отказать) их не было, это его воображение, создание его фантазии-мечты. Алекс[ей] Мих[айлович] этим очень недоволен, но я поставила на своем: две правды, моя и его”. Говорил ли тебе об этом что-либо Алекс[ей] Мих[айлович]? И вот еще: Алекс[ей] Мих[айлович] будто бы заставляет ее изображать себя полным всех добродетелей – доброты, самоотвержения, заботы о людях, н и к о г д а н и ч е г о для себя, все для других. Она против этого якобы протестует и тут опять с ним ссоры и конфликты и столкновение двух правд – моей и его!! И еще: Алекс[ей] Мих[айлович] будто бы протестует против того, что она – Нат[алья] Влад[имировна] называет “порнографией” (я ей говорю – потому что у него не порнография – но эротизм) – она делает большие глаза: “какой эротизм, где?” Везде, говорю я, и в рисунках и в разговорах и в шутках – скрытый эротизм, говорю я. “Что вы, – удивляется девочка Диху – при мне никогда. – Мне он сказал, что его обвиняют – в рисунках он выявляет неприличие – но что он н и к о г д а – ничего порнографического (по ее терминологии) не изображал”. “А в ваших альбомах?” – спрашиваю я. “Ничего нет неприличного, при мне и для меня у него не было эротизма, как вы называете. Но его в этом обвиняют и он требует, чтобы я написала, что у него нет ничего эротического (порнографического). Я уж хотела это написать, но мне сказали, что я поставлю себя в смешное положение, и меня все засмеют, т[ак] к[ак] все знают, что его рисунки очень порнографичны. И я отказалась опровергать, чем очень рассердила Алекс[ей] Мих[айловича] – была ссора и крик!” О Кукхе она якобы и не слыхала, о хоботах, слонах и сеансах с Розановым не знает – “от меня все это он скрывал, – говорит девочка Диху, – но он требует, чтобы я написала, что ничего этого не было и он добродетелен, как Алексей Божий человек – подумайте, он меня спрашивает – чем он отличается от Алексея Бож[ьего] человека и чего ему не достает – и хочет, чтобы я это написала”. Я это слу-

шала, как бред. Мог ли этого требовать от нее Алекс[ей] Мих[айлович]? Она его спросила: “Кого вы любили, как женщину, кроме Сераф[имы] Павл[ов]ны? Знали ли вы страсть и влечение к другим женщинам – до нее и после нее?” Тут Алекс[ей] Мих[айлович] – очень рассердился, вышел из себя и ответил: “Не смейте об этом говорить, меня не интересуют т а к и е г а д о с т и”. “Так вот, – говорит К[одрянская], – Алекс[ей] Мих[айлович] страсть, нормальное влечение к женщине называет гадостью – из этого я заключаю, что он ни любви, ни страсти не знал, никого не любил и с женщинами не жил – и дочь эта не его, а дочь Серафимы Павловны – и он прикрыл ее грех (sic!)”. Да, так она и сказала – я просто опешила. “Да – он импотент и евнух” – вот как она понимает Алекс[ея] Мих[айловича]! Я ушам своим не верила” (Париж. Собрание Резниковых).

Для Кодрянской ее летняя встреча с Ремизовым 1957 г. стала последней. Один из авторов книги “Алексей Ремизов” умер, так и не увидев целостного воплощения своего замысла. После его смерти у Кодрянской остались оригинал и обработка ремизовского очерка 1955 г., тетради и магнитофонные кассеты с записями его ответов на ее вопросы; тексты его дневников последних лет, автобиографических записей, написанных для нее заметок о литературном творчестве “Как научиться писать”, подаренная ей коллекция его книг с дарственными надписями жене и огромное количество писем. Надо отдать должное Н. Кодрянской, она не оставила работу над книгой, которая, в сущности, должна была увековечить не только имя его литературного учителя, но и ее собственное. На основе разнокалиберных материалов, имевшихся в ее распоряжении, она и сформировала книгу “Алексей Ремизов”.

В программном предисловии к ней Кодрянская писала: “Эта книга о Ремизове написана мной по его давнему желанию. Я не успела окончить ее при жизни Алексея Михайловича, но очень многое в ней записано с его слова, а отчасти и просмотрено им. Он не вмешивался в мою работу, но иногда указывал, о чем еще рассказать или что отметить. Ремизов считал, что современники – в особенности русские – плохо его понимают, относятся к нему без достаточного внимания и без любви, и говорил мне, что, может быть, моя книга поможет изменить это хотя бы в будущем. [...] В мой последний приезд, летом 1957 г., он думал написать предисловие к книге [...] Потом мы сообща решили, что это не нужно. Но остался черновик проекта. “Предлагаемая книга – передача моих мыслей и суждений, исполнено правдиво, с любовью” [...] В сущности, это даже не “моя” книга, а “наша”, – общая с Алексеем Михайловичем, вместе с ним затеянная, вместе обдуманная, [...] наполовину или на три четверти

состоящая из его записей или из того, что он мне говорил”.⁴ Как видно из предисловия, Н. Кодрянская подчеркивала, что ее книга – точная реализация замысла самого писателя. Однако, как показал сопоставительный анализ включенных в нее материалов и их архивных первоисточников, часть из которых представлена в настоящей публикации, подобное утверждение нуждается в уточнении.

Действительно, в 1955 г. Ремизов решил сам с помощью друзей побороть несправедливую оценку своей личности и творчества, вынесенную ему современниками; четко обозначить свое место в истории русской литературы. Как проницательно угадала Колбасина-Чернова, как впоследствии указала в предисловии Кодрянская, задуманная книга должна была изменить отношение к наследию писателя не только в Русском Зарубежье, где на деле Ремизов был известен и признан, но прежде всего на его родине – в России, тогда – в СССР. Подобная задача повлекла за собой смягчение или умалчивание фактов, которые могли быть негативно восприняты советскими читателями книги. Среди таких фактов, например, можно назвать восприятие Ремизовым большевистского переворота и особые формы его противостояния новому режиму, какой была, в частности, его *Обезьянья Великая* и *Вольная Палата* периода 1918-21 гг. В связи с этим за основу биографии героя был избран текст ремизовской автобиографии, изданной в выходившем в стране Советов ж. “Россия” (М.-Л. 1923, № 6) и рассчитанной на убеждение властей в толерантном отношении писателя к новым российским реалиям. Неслучайно, как свидетельствует автограф написанной от третьего лица автобиографии, она заканчивалась ‘дипломатическим’ пассажем: “В 1921 г. по состоянию здоровья Ремизов *временно* [курсив мой - А. Г.] уехал в Германию, где продолжал работать в области литературы”.⁵ В книгу был включен ремизовский очерк 1955 г., где он сам красочно описал свою внешность, быт, литературные вкусы и пристрастия, перечислил, в частности, лежащие на рабочем столе книги, среди которых много изданий Академии Наук СССР. В откорректированной автобиографии, в литературном автопортрете писатель задал основные параметры того “образа Ремизова”, каким он хотел представить его, главным образом, своему *будущему* читателю и исследователю. Униженный и оскорбленный; сострадающий несчастным; сердце, раскрытое любому горю; невинная жертва обстоятельств; необычайный талант, несправедливо непризнанный и забытый; мудрый наставник и учитель – вот некоторые сущностные черты Реми-

⁴ Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж [1959], с. 7-8,10.

⁵ РГАЛИ. Ф. 341. Оп. 1. Ед. хр. 285. Л. 8.

зова – главного героя одноименной книги. Далее в беседах с Кодрянской писатель должен был обосновать свое философское и эстетическое credo, раскрыть смысл своих произведений, поделиться взглядами на развитие литературного процесса и тайнами художественного мастерства. Однако, как известно, постепенно создатель терял контроль над реализацией своего замысла. Еще раз вспомним, что книга появилась после смерти Ремизова. Ее состав был изменен, в основном, за счет включения дополнительных текстов самого писателя (дарственных надписей, дневниковых записей, писем). Но основное отличительное качество опубликованной книги заключалось в том, что тексты Ремизова были даны либо в непрофессиональном, а потому бессознательно неправильном и неточном прочтении Кодрянской (это касается текстов дневников, писем, дарственных надписей), либо в сознательно искаженном виде – в “пересказе” его “литературной внучки”. В чем заключался этот метод пересказа можно видеть на примере сравнения текстов писателя, приводимых в данной публикации, с их ‘вариантами’ в книге “Алексей Ремизов”. Кодрянская зачастую не понимала сложностей художественного языка и мышления “учителя”, а потому “гармонизировала” их сообразно собственным эстетическим и этическим пристрастиям. Так, на авторской рукописи ремизовского очерка 1955 г.⁶ имеются, к примеру, такие пометы Кодрянской, сопровождающие перечеркнутые куски текста: на рассуждениях писателя о древнерусской литературе помета: “Не для меня” (л. 74); о музыке – помета “переписать и вставить к Сувчинскому” (л. 62); на размышлениях о природе милостыни помета “Это уже есть в другом месте свернуть” (л. 64) и т. п. Именно о подобной установке Кодрянской на ‘исправление’ Ремизова писала О. Е. Колбасина-Чернова, с иронией повторяя слова его ‘ученицы’: “у Алекс[ея] Мих[айловича] своя правда, у меня своя” – и в книге я так и пишу [...] Алекс[ей] Мих[айлович] этим очень недоволен, но я поставила на своем: две правды, моя и его”. Поскольку к моменту завершения книги ее главного автора и героя уже не было в живых, то “вторая” правда имела полную возможность торжествовать над “первой”. Таким образом миф о Ремизове, созданный им самим, оказался поглощенным мифом о Ремизове, смоделированным Кодрянской.⁷ В облике человека и писателя она постаралась сгладить

⁶ РГАЛИ. Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 28. 75 л.

⁷ Оценка книги “Алексей Ремизов” была дана в воспоминаниях Н. В. Резниковой в главе “Образ Ремизова, им самим создаваемый”: “В 1960 г. вышла книга Н. В. Кодрянской, посвященная Ремизову. А. М. сам подготовлял и давал материал для нее. В ней дан именно тот образ, который А. М. так хотелось оставить о себе в памяти своих современников” (Н. В. Резникова, Огненная память, с. 137-138).

оставленные самим Ремизовым оригинальные черты, которые, по ее словам, лишили облик “учителя” “внутреннего единства и цельности, к которым я стремилась”.⁸

В итоге можно сделать вывод о том, что книга “Алексей Ремизов” является художественным произведением особого монтажного вида, принадлежащим, пользуясь термином Ремизова, к типу “творчества по материалу”. Ее составляют: 1) тексты, сознательно обработанные самим Ремизовым, а в дальнейшем “исправленные” Кодрянской; 2) тексты писателя, неточно прочтенные его ‘ученицей’;⁹ 3) тесты, принадлежащие перу самой Кодрянской и составляющие наименьшую часть книги. Таким образом, к приводимым в издании текстам и высказываниям Ремизова нельзя относиться как к источникам первой степени. Это лишь тени теней, призванные вызвать у читателя образ Ремизова, созданный им самим и поданный в редакции Натальи Кодрянской.

Представляемые далее материалы – это автографы Ремизова. На них имеется правка Кодрянской, носящая как пояснительный (из-за трудностей прочтения почерка полуслеплого писателя), так и спрямляющий характер. Автографы представляют собой отдельные, вырванные из тетради листы с нарушенной авторской пагинацией, которая не была восстановлена при архивной обработке рукописей в РГАЛИ. В данном издании публикуются только аутентичные тексты самого Ремизова, очищенные от неавторской правки. Тексты печатаются по автографам, хранящимся в архиве Ремизова в РГАЛИ: I.) “Как научиться писать” – Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 6. 52 л.; II.) “Лбом в стену” и III.) “А. Р. (Дом отмеченный войной)” – Ф. 420. Оп. 6. Ед. хр. 28. 75 л. В Приложении публикуется текст варианта воспоминаний О. Е. Колбасиной-Черновой, отрывок из другого варианта которых вошел в кн. Н. Резниковой “Огненная память” (Berkeley 1980, с. 33-34). Воспоминания хранятся в Собрании семьи Резниковых (Париж). Автор публикации благодарит Егора Даниловича Резникова за разрешение публикации писем и воспоминаний О. Е. Колбасиной-Черновой.

⁸ Там же, с. 10.

⁹ Так надписи на книгах, приведенные в книге можно сравнить с их точным прочтением, данным в каталоге “Волшебный мир Алексея Ремизова” (СПб. 1992).